

Иларион (Троицкий), архим. Богословие и свобода Церкви
(О задачах освободительной войны в области русского богословия) //
Богословский вестник 1915. Т. 3. № 9. С. 98–134 (1-я пагин.).

Богословіе и свобода Церкви.

(О задачахъ освободительной войны въ области русского богословія)¹⁾.

Среди тяжелыхъ и горестныхъ обстоятельствъ переживающего времени блестить одинъ свѣтлый и примиряющій лучъ надежды, надежды на обновленіе русского народнаго сознанія, на повышеніе русскихъ духовныхъ цѣнностей. Уже и теперь раздаются гимны Россіи и всему русскому даже съ той стороны, где еще такъ недавно умѣли пѣть величаніе только предъ кумирами Европы, где этими мертвыми и бездушными кумирами замѣняли православныя чудотворныя иконы. Два вѣка назадъ

оторваны могучею рукою,
мы бросили отечество свое,
умчались вдаль, плѣнясь чужей землею,
земли родной презрѣвши бытіе.

(К. С. Аксаковъ. „Возвратъ“).

Мы какъ-будто стыдились того, что мы—руssкіе и имѣемъ несчастіе жить на Востокѣ. Мы перерядились въ чужое платье и заговорили на чужихъ языкахъ. Во всѣхъ областяхъ русской жизни двѣsti лѣтъ слышался одинъ только

жалкій лепетъ словъ чужихъ.

Славянофильство не встрѣчало сочувствія въ широкихъ кругахъ интеллигентціи; въ этихъ кругахъ оно было обозвано „китайціей“, „реакціей“ и прочими страшными именами.

Но вотъ съ нами повторяется то же, что было сто лѣтъ

¹⁾ Вступительное чтеніе 12 сентября 1915 года.

назадъ и о чёмъ сказано въ молитвѣ рождественского молебна. „О ихъ же ревновахомъ наставлениихъ, сихъ имѣхомъ (а теперь и имѣемъ) враговъ буйихъ и звѣронравныхъ“, —и у насъ уже заговорили о „развѣнчанномъ кумирѣ“ европейской культуры

и взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.

Война—горькое лекарство, но оналечить наше общество отъ „тоски постылой по странѣ чужой.“ Заныла въ русскомъ сердцѣ „тоска по родинѣ“. Настоящую войну уже назвали „освободительной“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы хотимъ освободиться отъ чужаго вліянія и жить своимъ русскимъ умомъ. О необходимости такой именно освободительной войны говорятъ теперь громко. Не думаете ли вы, что и нашъ долгъ принять живое участіе въ этой необходимой войнѣ? Но можемъ-ли мы принять какое-нибудь участіе въ этой войнѣ, сидя за этими высокими стѣнами монастыря, собираясь въ аудиторіи, подыскивая книги въ библиотекѣ и сгибаясь надъ этими книгами въ своихъ комнатахъ? Идетъ кровопролитная война на поляхъ брані. Тамъ нужны орудія и снаряды, а мы съ вами—люди безоружные. Начинается война съ нѣмцемъ въ области торговли и промышленности. Для этой войны нужны миллионы капиталы, а наши капиталы состоять изъ копѣекъ и очень немногихъ рублей. Наши орудія—книги; наши снаряды—слова и мысли; мы проливаемъ не горячую кровь, а холодныя чернила. Но и этими орудіями мы можемъ и должны воевать со врагомъ. Я хочу вамъ сказать о необходимости освободительной войны въ области русскаго православнаго богословія. У насъ уже и въ газетахъ и въ журналахъ заговорили о „нѣметчинѣ“ въ богословіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ эти рѣчи подхватили раскольники. По нашему адресу, по адресу профессоровъ-богослововъ, наговорено много всевозможныхъ обвиненій, обвиненій самыхъ тяжкихъ и нерѣдко просто обидныхъ. На „нѣметчину“ въ русской богословской наукѣ ополчились многіе и изъ такихъ людей, которые не имѣютъ никакого отношенія ни къ русской, ни къ нѣмецкой наукѣ. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ о нѣмецкомъ засильи въ русскомъ богословіи я вижу, какъ люди, во первыхъ, впадаютъ въ крайность, и, во вторыхъ, не указываютъ дѣйствительного

врага, почему и весь поднятый важный вопросъ въ своемъ обсужденіи теряетъ приличную ему серьезность. Многіе склонны усматривать засилье нѣмцевъ просто уже въ тѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ цитатахъ, какія можно видѣть въ русскихъ богословскихъ книгахъ. Не хотятъ признавать никакихъ ученыхъ заслугъ нѣмцевъ. Забываютъ то, что наука не можетъ ограничиваться одними общими взглядами и выводами. Для настоящихъ научныхъ выводовъ нужна кропотливая черновая работа; для одного часа синтеза первою нужны годы анализа. Въ этой черновой работе мы отъ нѣмцевъ отстали и поневолѣ должны пользоваться ихъ трудами. Вѣдь я думаю, что, если-бы можно было сейчасъ намъ получать орудія съ крупновскихъ заводовъ, ихъ не отвергли бы только потому, что они нѣмецкія. Ихъ навѣрное взяли бы, только направили-бы на нѣмцевъ. Но многія научныя орудія мы имѣемъ отъ нѣмцевъ, пользоваться ими можемъ, но должны давать имъ желательное для насъ назначеніе. Напримеръ. У насъ много говорять объ изученіи святоотеческихъ твореній. А попробуйте-ка обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ чужой помощи, если въ Россіи никогда не издавали святоотеческихъ твореній въ подлинникахъ! Захотите вы въ подлинникѣ изучить латинскаго церковнаго писателя,—вы, конечно, предпочтете лучшее изданіе *вѣнскай* академіи наукъ—*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Нуженъ будетъ вамъ древній греческій церковный писатель,—вы съ удовольствиемъ узнаете, что онъ уже имѣется въ томъ совершеннѣйшемъ изданіи, которое предприняла *прусская* академія наукъ—въ *Die griechische christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*. Едва-ли можно представить себѣ что-нибудь болѣе совершенное въ научномъ отношеніи, чѣмъ изданіе „Церковной Исторіи“ Евсевія Кесарійскаго Эдуардомъ Швартцемъ! Пусть на этомъ изданіи, лишь только его откроешь, стоять нѣмецкій заголовокъ: „Eusebius Werke“, намъ отъ этого можетъ быть развѣ только стыдно, но едвали намъ это вредно!

Если говорить съ академической каѳедры о необходимости освободительной войны въ области русского православнаго богословія, то нужно говорить серьезно,—не обращать вниманія на мелочи, но указать дѣйствительнаго и крайне вреднаго врага, опредѣлить, какъ и откуда онъ пришелъ и

почему у нась онъ распространілся и утвердился. Сдѣлать это я и попытаюсь. Я долженъ начать издалека и кратко напомнить нѣсколько известныхъ историческихъ фактъ, потому что чужеземное засилье въ русскомъ богословіи имѣеть весьма глубокіе исторические корни и стоитъ въ самой тѣсной связи съ событиями даже русской гражданской исторії.

1.

Еще въ то время, когда Московская Русь жила своей самобытной жизнью, когда въ ней на всѣхъ случайно пріѣзжавшихъ „басурманъ“ еще смотрѣли съ суевѣрнымъ ужасомъ, еще тогда Западная Русь не только вошла въ соприкосновеніе съ Западомъ, но и попала подъ западное вліяніе. Западная Русь была вѣдь подъ польской католической державой. Она уже давно встрѣтилась съ католичествомъ и съ трудомъ въ постоянной борьбѣ отстаивала свою вѣру и народность. Католичество кладеть вскорѣ свою печать и на народное образованіе. Особенно это католическое вліяніе на западно-русское просвѣщеніе усиливается съ начала 16-вѣка. Съ Запада надвигался на католичество Западной Руси врагъ въ лицѣ реформаціи и католическая іерархія начинаетъ устраивать для отраженія этого врага школы. Вызваны были такъ сказать янычары католичества—отцы іезуиты. Папскій нунцій убѣждаль польского короля устроить въ своемъ государствѣ іезуитскія коллегіи, quasi praesidia religionis, какъ крѣпости вѣры¹⁾). И вотъ въ теченіе 16-го вѣка Западная Русь покрывается цѣлою сѣтью іезуитскихъ коллегій во главѣ съ Виленской академіей. Во всѣхъ этихъ школахъ обучались и православные. Іезуитская педагогика была поставлена такъ, что большинство воспитанниковъ свращались въ католичество. На ихъ глазахъ католичество торжествовало побѣду повсюду: и въ богослуженіи, и въ догматикѣ, и въ полемикѣ, и на примѣрныхъ диспутахъ, гдѣ вооруженные блестящей діалектикою іезуиты побѣдоносно

¹⁾ К. Харламповицъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань 1898, стр. 39.

опровергали все не-католическое ¹⁾). Но даже и тогда, когда воспитанникъ юезуитской школы оставался вѣренъ православію, онъ выходилъ изъ школы пропитанный католическимъ духомъ, особенно въ области богословія. И какъ могло быть иное, если при изученіи богословія его руководилъ *doctor angelicus* Фома Аквинскій со своей *Summa totius theologiae!*

Въ 1592 году кievскій митрополитъ Михаиль Рагоза писалъ въ своемъ окружномъ посланіи: „ученіе святыхъ писаний зѣло оскудѣ; паче же Словенскаго Россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному Лядскому писанію, и сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы съвершенного грамматическаго Словенскаго языка“ ²⁾. Митрополитъ указываетъ на недостатокъ національнаго православнаго образованія и на вредъ для православія отъ обученія „Лядскому писанію“. Недостатокъ православнаго образованія пытались возмѣстить устройствомъ православныхъ школъ западно-руссія братства. Въ противовѣсь латинскому католичеству братскія школы на первомъ планѣ поставляли изученіе греческаго православія, но безъ латинскаго языка и безъ латинской науки не могли обойтись и православныя школы, потому что они были въ католическомъ государствѣ и готовили гражданъ католического государства. *Latina* необходимы были въ Польшѣ *ad forum*, для дѣлъ и жизни гражданскихъ. Сильвестръ Коссовъ, напр., разсуждаетъ въ своемъ „*Exegesis*“ такъ. „Латинскія науки нашему народу нужно изучать прежде всего для того, чтобы нашей Руси бѣдной не звали Русью глупой (*zebu biedney Rusi naszeu glupia Rusia nie zwano*). Совѣтъ учиться только по гречески, а не по латыни, хороши въ Греціи, но не въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ особенно распространенъ. Потѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, до города, до земства,—безъ латыни платить вины (*bez lacini placi winy*); только, какъ коршунъ вытаращивши очи, присматривается онъ тамъ то къ тому, то къ другому“ ³⁾. Латинскій и польскій языки, а вмѣстѣ

¹⁾ К. Харламповичъ. Западно-руссія православныя школы, стр. 104 слл.

²⁾ Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изд. Археогр. комиссіею. т. 4. Санктпетербургъ 1851, № 32, стлб. 42.

³⁾ С. Т. Голубевъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи (періодъ

съ ними и католической духъ скоро проникли и въ самыя православныя школы. „Каждая школа прошла двѣ стадіи своего развитія: сначала она существовала, какъ школа греко-славянская, потомъ постепенно сближалась съ латинопольскою, при чёмъ это сближеніе заходило порой очень далеко“ ¹⁾). Отдѣльные ревнители возставали противъ латинскаго ученія въ православныхъ школахъ. Таковъ, напр., былъ аѳонскій инокъ Іоаннъ Вышенскій, который говорилъ, что „плоды школы латынской гнилы и погибелю вѣчною смердящіе“, что эта „проклятая школа ни одного ученика на спасеніе до царства небеснаго годнымъ быти не породить и не научить, але всѣхъ студентовъ своихъ въ погибель вѣчную посылаеть“, потомучто учителя въ ней—„шоганцы, аристотели, волхвы, еретики, орigenы и другіе тому подобные“. Читайте объ этомъ его сочиненіе „Зачапка мудраго латинника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію“ ²⁾). Противъ латинскаго направленія школъ возмущался иногда самыи народъ. Такъ, напр., когда архимандритъ Петръ Могила завелъ въ Киево-печерской Лаврѣ коллегію на іезуитскій манеръ, то „отъ неученыхъ поповъ и казаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало и спасались. Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили“ ³⁾). Казацкая расправа грозила быть серьезной. Вспомните изъ Гоголя картину казацкой расправы съ жидами въ Запорожской Сѣчи. „Перетопить ихъ въ Днѣпры! Въ Днѣпры ихъ, панове!“ Нѣчто подобное было и въ отношеніи латинской школы; по крайней мѣрѣ Сильвестръ Коссовъ, самъ подвергшійся погрому, вспоминаетъ: „Какіе перуны, какіе громы посыпались тогда на насъ, невозможно и описать чернилами. Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ или же того огнемъ, другаго мечемъ от-

до-могилянскій). Вып. 1. Киевъ 1886. Приложенія, стр. 82. См. еще у *Харламповича*, Западно-руссія православныя школы, стр. 426.

¹⁾ *К. Харламповичъ*. Западно-руссія православныя школы, стр. 414—415.

²⁾ *С. Т. Голубевъ*. Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. т. 1. Киевъ 1883. Приложенія, стр. 102.

³⁾ *С. Т. Голубевъ*. Петръ Могила, т. 1, стр. 436.

правять на тотъ свѣтъ”¹⁾. Но всѣ подобные протесты оказались однако безсильны предъ ходомъ исторіи. Православные ученые, постоянно полемизируя съ западными еретиками, сами пропитывались постепенно ихъ духомъ, заимствовали у нихъ богословскую систему и брали на прокатъ даже самое полемическое оружіе.

Утвердившись въ Западной Руси, католическое вліяніе проникло въ 17-мъ вѣкѣ и въ Русь Московскую. Въ области научно-богословской Московская Русь очень скоро попала подъ малорусское вліяніе. Въ прошломъ году вышелъ 1-й томъ капитального труда проф. К. В. Харламповича—“Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь” (Казань 1914). Здѣсь указаны только лица юго-западного происхожденія, которые выступали дѣятелями на различныхъ поприщахъ великорусской церковной жизни. Отъ ознакомленія съ этой книгой получается весьма впечатлѣніе. Въ теченіе двухъ вѣковъ было у насъ на Москвѣ какое-то малороссійское нашествіе. „Пришельцы заняли самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управлений консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими же проектированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь, одежда служителей, напр. пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библиотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи, общественные игры и зрѣлища и т. д. и т. д.”²⁾.

Московское просвѣщеніе въ 17 вѣкѣ попадаетъ подъ особенное вліяніе олатинившихся малороссовъ. Московское об-

1) С. Т. Голубевъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи, стр. 229 и Приложения, стр. 80.

2) П. Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, пред. VI. См. у К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь, стр. III.

щество и московское правительство именно въ 17 вѣкѣ приходять къ мысли о необходимости устроить въ Москвѣ правильно организованную школу. Объ этомъ заботились и восточные патріархи. Они смотрѣли на Москву съ весьма определенной надеждой, какъ на единственное мѣсто, гдѣ православіе пользуется поддержкой государственной власти. Константинополь былъ вѣдь уже въ рукахъ невѣрныхъ турокъ. Еще въ концѣ 16-го вѣка (въ 1593 году) александрийскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ царю Феодору Ioанновичу: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозить изсякнуть до основанія“¹⁾). Впрочемъ, школы въ Москвѣ не заводили до самаго конца 17-го вѣка. Ограничивались вызовомъ отдѣльныхъ ученыхъ людей. Такіе люди были нужны и церковному и государственному правительству. Но гдѣ такихъ людей взять? Ихъ брали въ Кіевѣ. Въ 17 вѣкѣ въ Москвѣ мы находимъ оригинальный типъ людей—такъ сказать придворныхъ монаховъ, приглашенныхъ изъ Кіева. Обязанности этихъ монаховъ были весьма сложны и разнообразны. Они переводили съ разныхъ языковъ почему-либо казавшіяся нужными книги; они же составляли лексиконы. Они говорили проповѣди и въ торжественныхъ случаяхъ особыя „орациі“. Они должны были писать торжественные и поздравительные вирши при радостныхъ событияхъ дворцовой жизни и „Өрены“ или „Плачи“ по случаю той или другой смерти. Они сочиняли догматические трактаты и обличали раскольниковъ. На ихъ обязанности лежало составленіе церковныхъ службъ русскимъ преподобнымъ, а также и „комедій“ для придворнаго театра. Но Кіевъ даваль Москвѣ монаховъ различного направленія: одни были сторонники образованія греческаго, другіе—поклонники науки латинской. Столпомъ греческаго направленія и центромъ, вокругъ котораго собирались московскіе грекофилы, былъ кіевскій ученый Епифаній Славинецкій, жившій въ Чудовомъ монастырѣ. Современники отзываются о немъ съ самой рѣшительной похвалой. Это былъ „мужъ многоученый, не токмо грамматики и риторики, но и философіи

¹⁾) **Малышевскій.** Александрийскій патріархъ Мелетій Пигасъ т. 2. Кіевъ 1872, стр. 10.

и самыя феологіи извѣстный испытатель и искуснейшій разсудитель¹⁾). Но въ собственномъ смыслѣ придворнымъ монахомъ былъ Симеонъ Полоцкій. Это былъ ученый совсѣмъ иного направленія. „И той учившися, но не толико (какъ Епифаній), не бо бысть философъ, и то токмо учися, яко обычай есть полякомъ и литвиною полатински и попольски, греческаго же писанія ничто же знаже“²⁾). Но именно Симеонъ то Полоцкій и былъ наиболѣе вліятельнымъ въ Москвѣ ученымъ. Онъ былъ учителемъ царскихъ дѣтей—впослѣдствіи русскихъ правителей Феодора Алексѣевича и Софии Алексѣевны. Подъ его руководствомъ во дворцѣ московскаго царя „въ сласть читали ляцкія книги“, латинско-польское образованіе становится моднымъ во дворцѣ и на европейской ладѣ отчасти перестраивается дворцовая жизнь. Чрезъ Симеона Полоцкаго и его ревностнаго ученика и послѣдователя Сильвестра Медвѣдева и чрезъ другихъ имъ подобныхъ кievскихъ ученыхъ латинское вліяніе проникаетъ въ интересующую нась область московской церковной жизни, въ область богословія. Въ концѣ 17-го вѣка въ Москвѣ разгорается интересный и весьма характерный богословскій споръ о времени преложенія святыхъ даровъ на литургії, при чемъ кievляне латинскаго направленія прямо защищаютъ католической взглядъ. Въ московскихъ соборахъ раздается настоящая схоластическая проповѣдь даже со ссылками на премудраго Анзельма, на Беллярмина и под. Представьте вы себѣ Москву 17-го вѣка съ ея церковнымъ православнымъ укладомъ жизни, съ ея полнымъ недовѣріемъ ко всему чужому, съ ея боярами въ длинныхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ, съ ея благолѣпными соборами, гдѣ почиваютъ московскіе первосвятители... И вдругъ въ этой-то обстановкѣ раздается схоластическая проповѣдь со ссылками на Анзельма! Вполнѣ понятно то смущеніе, которое овладѣло русскими православными людьми при такихъ проявленіяхъ латинско-малороссійского нашествія на Москву. Раскольникамъ казалось, что и Никоновскія исправленія навѣяны латинствомъ, что тотъ самый „вселукавый врагъ“ сатана, ко-

¹⁾ См. О мудрѣшемъ іеромонасѣ Епифаніи Славинецкомъ и о Симеонѣ Полоцкомъ. Остенъ. Казань 1865, стр. 70.

²⁾ Остенъ, стр. 70--71.

торый „римское царство на западѣ, идѣже престолъ его есть, учинилъ матерь и пріятелище всѣхъ ересей и источникъ всякаго нечестія“, который въ образѣ латинянъ „и въ наше пресвѣтлое Русское царство многажды заглядывалъ“, теперь „Россійское царство отторже хоботамъ своимъ Никономъ“ отъ православія ¹⁾). Основанія такої філософіи історії находили въ Свящ. Писанії. Римъ отпаль чрезъ тысячу лѣть послѣ основанія Церкви, когда сатана былъ освобожденъ изъ темницы и вышелъ обольщать народы (Апок 20 г). А прибавить къ тысячѣ апокалиптическое число 666,—получится время Никоновскаго патріаршества. Извѣстный расколоучитель бывшій Благовѣщенскаго собора дьяконъ Федоръ Ивановъ склоненъ былъ всю іерархію православную обвинять въ сочувствіи латинству. „Возненавидѣли они, окаянніи, пишеть онъ, святая сіонскія восточныя церкви матеру нашей правыя догматы, и поругали, и попрали, а возлюбили и поцѣловали римскую блудницу... и пріемлють съ честію, и слушаютъ съ любовію проклятыхъ и льстивыхъ ея дидаскаловъ, и отъ тѣхъ нечистыхъ духовъ напиваются мутнаго питія, яко свинія кабацкія барды“ ²⁾.

Расколоучитель однако представляетъ дѣло въ совершенно превратномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ московскіе іерархи 17-го вѣка всѣми мѣрами боролись съ латинскимъ вліяніемъ на православное богословіе. Вѣдь ужъ самъ ненавистный раскольникамъ великий Никонъ былъ выдающимся грекофилемъ. Но особенно много потрудился въ борьбѣ съ латинскимъ вліяніемъ тоже нелюбезный раскольникамъ патріархъ Іоакимъ, бывшій ранѣе патріаршества чудовскимъ архимандритомъ, другъ Епифанія Славинецкаго, покровитель выдающагося ревнителя греческаго православія чудовскаго инока Евсеймія. Патріархъ Іоакимъ все время своего патріаршества неустанно боролся съ латинствомъ, которое проникало въ Москву, и передъ смертью своей на соборѣ 1690 г. осудилъ „хлѣбопоклонническую ересь“ и другія латинскія мудрованія кievлянъ. Этому собору патріархъ сдѣлалъ обширный докладъ, известный подъ именемъ „Слова поучательнаго“. Изъ этого слова

¹⁾ Проф. Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола въ первое время его существованія, т. 6, Москва 1881, стр. 281. 282. 284.

²⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. 6, стр. 252.

мы можемъ узнатъ образъ мыслей тогдашняго кормчаго русской Церкви и его оцѣнку происходившихъ во второй половинѣ 17-го вѣка событій. Здѣсь мы читаемъ.

„Въ царство благочестивѣшаго государя царя и великаго князя Алексія Михаиловича, всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по плѣненіи польскаго государства, пришедъ изъ Полотска града въ царствующій градъ Москву нѣкто іеромонахъ, у езуитовъ учивыйся полатинѣ, именемъ Симеонъ, прозваніемъ Полотскій, сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти. Благочестивый же царь и священни архіерее, повѣривше ему яко благочестиву и православну, вручаху ему всякія церковныя дѣла писати. Онь же Симеонъ, аще бяше чедовѣкъ ученъ и добронравенъ, обаче предъувѣщанъ отъ іезуитовъ, пажежниковъ сущихъ, и прельщенъ бысть отъ нихъ, къ тому и книги ихъ латинскія чтяше, греческихъ же книгъ чтенію не бяше искусенъ, того ради мудрствование латинская нововымышленія права быти, у іезуитовъ бо кому учившуся, наипаче токмо латински безъ греческаго, не можетъ быти православну весма, восточная Церкве искреннему сыну; подвлашаютъ бо они, іезуити, учащыся у нихъ подъ страшныя клятвы, еже быти имъ послушнымъ папѣ, отцу ихъ, и послѣдователемъ во всемъ и уніатомъ и защитникомъ западнаго костела, яко нѣдіи пострадавши сіе сами извѣствоваша. Написа онъ нѣкая писанія, собирая отъ латинскихъ книгъ, и иная же съ тѣхъ же латинскихъ книгъ готовая преведе. И во всѣхъ своихъ писаніяхъ написа латинскаго зломудерованія нѣкія ереси: аще отъ неискусства, аще ухищренно, совѣсть его вѣсть, обаче овия прикровено и неудобопознанно лежаше суть въ писаніяхъ его“ ¹⁾). Далѣе патріархъ предаетъ осужденію разныя сочиненія Симеона Полоцкаго. У Симеона была книга „Обѣдь душевный“. Патріархъ говориль, что эта книга исполнена бѣдъ душевныхъ“. „Книга „Вѣнецъ вѣры“, иже сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, богоносныхъ отцевъ словесь, но изъ бодливаго тернія на западѣ прозябшаго новшества, отъ вымышеній Скотовыхъ, Аквиновыхъ, Анзельмовыхъ, и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій“ ²⁾). Сочиненія Симеона Полоцкаго патріархъ запрещаетъ

¹⁾ Остенъ, стр. 130—131.

²⁾ Остенъ, стр. 132.

читать. „Данною намъ властію отъ всесвятаго Духа запрещаемъ всѣмъ православнымъ сыновомъ, послушнымъ архи-паstryства нашего, тѣхъ книгъ, яко подзоръ и ереси имущихъ, яко не благословенныхъ, никакоже дерзати народно и въ церквахъ прочитати, подъ церковною казнью, священныемъ—подъ изверженiemъ священства, людиною же—подъ отлученiemъ“¹⁾). Говорить въ своемъ „Словѣ“ патріархъ и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. „Послѣди же Симеона полотскаго ученикъ его и наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, иже послѣжи, за отступство и ересь и на святую восточную Церковь за злословія его, лишенъ образа святаго и званія монашескаго и названъ прежднимъ именемъ Сенка Медвѣдевъ, прелстивыйся, яко самъ глаголеть, отъ кievскихъ новоторимыхъ книгъ отъ латинскаго ученія и отъ книгъ и писаній и словесъ устоглаголанныхъ учителя своего, онаго уніата полоцкаго Симеона (купно бо съ нимъ въ единой келлі живяше и всегда слышаше словеса его, латинскія мысли полна сущая, не познавъ, глаголеть, лести онаго, прелстися въ слѣдъ его мудрованія), разширяше и утверждаше въ народѣ ересь ону латинскую“²⁾). „Книги новоторенные кievскія, отъ нихже Сенка Медвѣдевъ прелстися“, патріархъ съ соборомъ предаетъ анаоеи: „Аще кто отнынѣ таковая его, Сенки, и иныхъ писанія, у себе утая, держати возъимати и злаго его плевелосвѣтельнаго блядословія не отринетъ и писаній его діявололестныхъ не объявить и о томъ не покается и мѣрности нашей или отцемъ своимъ духовнымъ не исповѣдается и не отстанетъ, таковыи да будеть властію, данною намъ отъ всесвятаго и вседѣтельнаго Духа, вязати и рѣшити, связанъ и отъ Церкви святыя и пречистыхъ таинъ причащенія отлученъ и вѣчную казнь отъ Бога пріиметъ“³⁾.

Такъ рѣшительно боролся святѣйшій патріархъ Іоакимъ съ латинствомъ, которое заносили въ Москву кievскіе ученые и „новоторенные кievскія книги“. Съ кievскими книгами патріархъ боролся и раньше. Онъ учредилъ для нихъ самую строгую цензуру: заставлялъ перепечатывать, а иногда

¹⁾ Остенъ, стр. 138.

²⁾ Остенъ, стр. 140—141.

³⁾ Остенъ, стр. 146—147.

просто выдирать цѣлые листы; иные книги и совсѣмъ запрещалъ¹⁾. И однако западно-русскія книги широко распространялись по Московской Руси. Было иѣчто имъ благопріятствовавшее. Что же именно? Это былъ московскій царскій дворъ, гдѣ были даже покровители іезуитовъ, вродѣ князя В. В. Голицына, столь близкаго къ Софѣѣ. Въ этихъ именно придворныхъ кругахъ находили поддержку и даже вліяніе и Симеонъ Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ. Западно-русскіе ученые изобрѣли даже особый способъ для распространенія своихъ книгъ въ Москвѣ: они посвящали свои книги особамъ царствующаго дома²⁾. Во дворцѣ эти книги находили совершенно иной пріемъ, нежели у патріарха. Придворный фаворитъ Симеонъ Полоцкій даже не подчинялся въ своей литературной дѣятельности цензурѣ и контролю патріарха. Объ этомъ самъ патріархъ говорить въ „Словѣ поучательномъ“. „Толико той Симеонъ освоеволися, дерзне, за нѣкіимъ попущеніемъ (очевидно, царскаго двора), яко и печатнымъ тисненіемъ нѣкія своя книги издати, оболгавъ мѣрность нашу, предъ-писа въ нихъ, якобы за нашимъ благословеніемъ тыя его книги печатаны. Мы же, прежде типографскаго изданія тѣхъ книгъ ниже прочитахомъ, ниже яко либо видѣхомъ, но, яже еже печатати, отнюдь не токмо благословеніе, но ниже изволеніе наше бысть“³⁾. Очевидно, въ своей борьбѣ съ латинскимъ вліяніемъ патріархъ Іоакимъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны западнической и латинофильствующей придворной партіи.

Но если патріарху Іоакиму не удалось очистить Московскую Русь отъ „новотворенныхъ кіевскихъ книгъ“, то онъ одержалъ побѣду надъ латинской партіей въ дѣлѣ учрежденія въ Москвѣ высшаго училища. Въ началѣ послѣдней четверти 17-го вѣка мысль объ устройствѣ такого училища окончательно созрѣла у московскаго правительства. Между греческой и латинской партіями началась борьба по вопросу о томъ, какою должна быть высшая московская школа—греческою или латинскою. Вокругъ патріарха группирова-

¹⁾ См. у проф. К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе, стр. 442—447.

²⁾ См. у проф. К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе, стр. 450 слл.

³⁾ Остенъ, стр. 138.

лась греческая партія. Мы имъемъ и литературные памятники упомянутой борьбы, изъ которыхъ мы видимъ, какъ старалась греческая партія охранить московское богословское училище отъ латинского вліянія и въ чемъ усматривала она опасность латинского ученія. Обсуждается въ этихъ памятникахъ собственно вопросъ о томъ, учить-ли греческій языкъ или латинскій, но этотъ вопросъ имъль тогда настоящій богословскій смыслъ. Языкъ былъ, можно сказать, знаменемъ того или другого богословскаго направлениі. Въ нашей академической библіотекѣ есть рукопись съ заглавіемъ: „Доводъ вкратцѣ, яко ученіе і языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуетъ славенскому народу“. Необходимость изучать греческій языкъ здѣсь доказывается различными соображеніями и дѣлается выводъ: „Подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже тѣмъ языккомъ нетокмо не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистился и медъ и иныхъ ученыхъ языковъ сочетался. А по греческомъ ученіи, хотящему не вредительно учитися и латинскому, а въ первыхъ латинскому языку учитися веліе опасеніе, яко да не латинскимъ языккомъ подкрадалася тайна и вѣра и обычай латинской, какъ видимъ въ разныхъ народѣхъ, наипаче въ французскомъ, зане ничего не премѣняетъ человѣка и нравы сице, яко странное ученіе... А бѣлоруси хотя и учатся латинскимъ языккомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Лвова, гдѣ учатся гречески), однакожде припомнити надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унѣю не падаютъ, познавается въ нихъ останки езутическія, понеже езуиты не учатъ ихъ высокими науками, покамѣстъ предъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религії“ ¹⁾.

Но еще болѣе интересный памятникъ сохранился въ рукописи Петроградской Академіи (№ 423), именно: „Разсужденіе—учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и єеологіи, и стихотворному художеству и оттуду

¹⁾ Прибавленія къ издаваю твореній святыхъ отпевъ. 1889, ч. 44, стр. 679. 677.

познавати божественная писанія, или, не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угоджати, и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати— и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка“. Возможно, что это разсужденіе принадлежитъ чудовскому иноку Евѳимію. Это уже обширный трактать, написанный съ весьма основательной и даже разносторонней эрудиціей. Вотъ между прочимъ что мы здѣсь читаемъ. „Латинское о богословіи ученіе растлѣнно и губительно и къ прелести тѣхъ удобообразительно. Древніи святіи отцы наши Василій. Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Іоаннъ Дамаскинъ и іині яко учахуся богословіи на гречестѣмъ языцѣ, тако и вѣроваху и писаху и ввѣренная имъ учаху. Латинницы же вѣруютъ написанной имъ и растлѣнной богословіи отъ врага Церкве святая восточная іезуита Ѹомы Аквинуса, тако и учатся и учать; и учившіися, кто-либо будуть, удобно въ стремнину погибели тоя низстремляются, удалившіеся святыхъ отцевъ єеологіи, яко глаголеть мудрый грекъ Максимъ: „пагубная латинская ученія и мудрованія богоносныхъ отцевъ преданіемъ и ученіемъ толико далече отстоять, яко Богу єдиному исправити могущу сія; уразумѣть же глаголемыхъ силу не во другомъ градѣ, токмо въ самомъ Ромѣ бывъ; тамо беззаконно совершившая узрять“. И паки: „еретическая велеречія и латинская послѣдняя новина и суевіловіе—тма и мгла глубока; вся, яже у латинъ,—лютая и велику отвращенію достойна, яже богоносныхъ отцевъ учительствомъ не согласуются, не могутъ бо богословити правѣ“.

„Отъ ученія латинскаго, ничтоже еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточная святая церкве, матере наша... и сія убо еще ниже начало пріемшу латинскому ученію славяномъ; егда же тое ученіе въ дѣло произведеть и преуспѣвати начнетъ, не пострадати-бо по притчи: бѣжавшимъ дыма не власти бы въ пламень.“

Къ сему егда услышать латинское ученіе, въ Москвѣ начнешеся, врази истины, плевосѣятеле тернія западнаго посреди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавіи іезуиты подъидутъ и неудобопознаваемыя своя силлогизмы, или аргументы душетлительныя, начнутъ злочитренно всѣвати, тогда что будетъ? Ничто ино, точію окоптѣлый чисти-

тельнаго огня дымомъ латинскаго смышенія зачнется куколь и родить любопрѣнія, потомъ (поощади, Боже) отступленіе отъ истины, еже страждеть или уже пострада малая Россія; пріучившия латинѣ, быша мало не вси уніаты; рѣдци и оставшаяся православнікі.

Сихъ ради всѣхъ подобаетъ некосненно, недремлющимъ умомъ архипастыремъ и всѣмъ купно и начальникомъ духовнымъ и мірскимъ предразумѣвати, предваряти, премышляти и угашати моленіи, ученіи и запрещеніи малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздmitися и воскурятися, да не пламень западнаго злomyщенаго мудрованія, растекся, попалить и въ ничто же обратить православія восточнаго истину, егда-бо многородный той огнь распалится и кто въ него ввалится, той и съ великимъ трудомъ отъ того не свободится, но вѣчно въ томъ потопится.

Аще же народъ великороссійскій будетъ учитися греко-славенски (подаждь, Господи) и чести книги оныя, всѣхъ сихъ предреченныхъ бѣдъ избѣгнуть, и согласны во всемъ и купночинны будуть съ восточною святою Церковію и со святѣйшими, равночисленными святыми евангелистомъ, патріархи, и истинно ученицы Христовы будуть и здрави и тверды, и непозыблени отъ прираженія инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ новомышленій, но на твердомъ основаніи водруженні, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ, иного-бо основанія никто же можетъ положити.

Еще же и святѣйшіи патріарси подадуть вящее благословеніе и молитву о благостояніи великороссійскаго царствія, и народи вси окружніи, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарять и царскому величеству приклонятся, но и противніи западницы и ініи мужеству, твердости и постоянству въ вѣрѣ великороссійскаго народа почудятся, яко ничтоже возможе ихъ поколебати. И свой народъ, наченъ отъ благородныхъ до простыхъ, и самыхъ, глаголю, поселянъ, услышавше ученіе греческое, возрадуются и похвалятъ, и мятеjhницы Церкве, отложивши всякую молву, утишатся и Церкве святѣй покорятся и прилепятся чрезъ покаяніе.

Аще же услышится въ народѣ, паче же въ простакахъ,
Бог. Вѣст. № 9. 1915.

латинское ученіе, не вѣмъ, коего блага надѣятися, точію, избави Боже, всякия противности¹⁾.

Всѣ эти и имъ подобныя разсужденія весьма характерны: они намъ показываютъ, насколько патріархъ московскій и его единомышленники твердо и непреклонно стояли на стражѣ чистоты православія и съ какимъ опасеніемъ смотрѣли они на возможность латинского вліянія на православное богословіе. Латинское богословіе они почитали совершенно чуждымъ духу Церкви, почему и охраняли отъ этого богословія православную школу.

Въ дѣлѣ устройства въ Москвѣ высшаго училища греческая партія, возглавляемая патріархомъ Іоакимомъ, взяла верхъ. Въ 1682 году составлена была знаменитая „привилегія на Академію“. Здѣсь Академіи предоставлялись весьма широкія права. Академія не только должна была быть ученымъ и учебнымъ учрежденіемъ; ей принадлежить надзоръ за народнымъ образованіемъ, надъ книгопечатаніемъ, надъ чистотой православной вѣры, даже судъ по религіознымъ преступленіямъ. Неизвѣстно, кѣмъ эта привилегія составлена. Считали ее произведеніемъ Симеона Полоцкаго²⁾, но несомнѣнно, что окончательная ея редакція принадлежитъ сторонникамъ греческаго православнаго образованія³⁾.

Въ иѣкоторыхъ своихъ мѣстахъ привилегія прямо направлена противъ южно-русскихъ ученыхъ, которые могутъ занести въ школу латинское вліяніе. „А иже имутъ въ наше царствіе изъ литовскія страны и изъ малая Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди, хотяющіи здѣ въ нашихъ училищахъ Блюстителемъ и Учительми быти, прїезжати и о себѣ повѣдати, яко они благочестивые, и отъ благочестивыхъ родителей рождены и воспитаны въ православной восточной вѣрѣ: и оныхъ безъ подлиннаго обѣихъ извѣстія, и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства словесемъ ихъ не вѣрити, и въ Блюстители и во Учители ихъ не устроити, аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду

¹⁾ См. *M. Сменцовскій*. Братья Лихуды. С.-Петербургъ 1899. Приложения, стр. XXII—XXIII. XXIV—XXVI.

²⁾ *Героевъ Татарскій*. Симеонъ Полоцкій. Москва 1886, стр. 261 слл.

³⁾ *Проф. Н. Ф. Каптеревъ*. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Прибавленія къ твор. свв. отцевъ, ч. 44, стр. 655 слл. особ. 670.

вѣры наша восточная удостовѣрялъ, а неправду на ону нашу православную вѣру отъ римлянъ и отъ лютеровъ и отъ кальвиновъ, и отъ иныхъ ересей наносимыя обличалъ и укорялъ: того ради, что обычай есть таковыми способы прелестникамъ въ вѣрахъ замѣшаніе творити; прежде такови явятся якобы совершенно благочестивые, и по благочестіи ревнители крѣпкіе, а потомъ, егда увѣрятся быти благочестивыми, тогда помалу развратная словеса вѣръ нашей всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терати начинаютъ”¹⁾.

Еще раньше изданія этой привилегіи патріархъ открылъ при типографіи начальное греческое училище, а когда съ Востока прибыли отъ патріарховъ греки „самобратья“ Лихуды Ioannikij и Sofronij, положено было основаніе Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ сразу же получиль господство греческій языкъ: на греческомъ языкѣ велось самое преподаваніе, греческія были и учебныя руководства. Сама Академія въ первое время называлась „Греческими школами“, „Елино-Славенскими схолами“²⁾.

Такъ Россійская Православная Церковь 17-го вѣка, возглавляемая святѣйшимъ патріархомъ, твердо держалась греческаго православія и всѣми силами боролась съ чуждымъ латинскимъ богословіемъ, которое заносили въ Москву учёные малороссы.

Благодаря неусыпнымъ трудамъ ревностнаго патріарха, въ Москвѣ побѣждаетъ греческое направленіе, а все латинское отдаляется отъ новой духовной школы.

Нужно сказать, что московскій патріархъ былъ не одинокъ въ борбѣ противъ латинскаго вліянія. Пусть онъ уже не находилъ сочувствія въ этой борбѣ со стороны московскаго правительства,—съ нимъ за одно были восточные патріархи.

Русская церковь была тогда въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ со вселенскими патріархами, которые и лично пріѣзжали въ Москву, и обмѣнивались грамотами съ русскимъ церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ. Восточные патріархи всегда поддерживали русскую іерархію въ борбѣ

¹⁾ Прибавленія къ твореніямъ свв. отцевъ, ч. 44, стр. 663—664.

²⁾ С. К. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Москва 1855, стр. 38—39. 44—60.

съ латинствомъ, иногда даже побуждали къ этой борьбѣ и всѣми мѣрами способствовали укрѣплению и господству въ Москвѣ образованія православнаго греческаго. Въ день Рождества Христова 1668 года отъ лица присутствовавшихъ въ Москвѣ патріарховъ было произнесено слово „О взысканіи премудрости Божественныя“. Здѣсь патріархи скорбятъ о томъ, что въ православномъ родѣ россійскомъ пренебрегается изученіе греческаго языка и настойчиво убѣждаютъ царя, іерарховъ и весь народъ позаботиться обѣ устройствѣ въ Москвѣ греческаго училища. „Положи отнынѣ, обращаются патріархи къ царю Алексѣю Михайловичу, въ сердцѣ твоемъ, еже училища — тако греческія и иная—назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусны взыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощрять, то аbie узриши многи ученія тщатели, а по малѣ времени примеши, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмянъ“¹⁾.

Но особенно слѣдуетъ упомянуть іерусалимскаго патріарха Досиѣя, великаго ревнителя православія въ 17 вѣкѣ, зорко слѣдившаго за русской церковной жизнью и часто писавшаго посланія русскимъ патріархамъ, царямъ, даже отдѣльнымъ церковнымъ и гражданскимъ дѣятелемъ. На Россію патріархъ Досиѣй смотрѣлъ какъ на опору всего вселенскаго православія, а потому Россіи прежде всего необходимо во всей строгости и чистотѣ держаться православной вѣры. Съ большой тревогой и великимъ опасеніемъ смотрѣлъ патріархъ на усиливающееся въ Москвѣ западное, преимущественно католическое, вліяніе. О католичествѣ патріархъ Досиѣй мыслилъ весьма опредѣленно. „Папежская прелесть однозначуща съ безбожіемъ, ибо что есть папежство и что есть унія, если не явное безбожіе?“ „Беззаконные папежники горше нечестивыхъ и безбожныхъ; они безбожны, ибо два Бога предлагають—единаго на небеси, а другаго на земли“. „Ничто ино есть папежничество, но развѣ точію явно и не усомнительное безбожіе“²⁾. „Латиняне, вводящіе въ вѣру,

¹⁾ См. проф. Н. Ф. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. т. 2. Сергіевъ посадъ 1912, стр. 457 слл.

²⁾ Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѣя съ русскимъ правительствомъ. Москва 1891, стр. 87—88.

въ таинства и во всѣ постановленія церковныя новости, суть явные нечестивцы и раскольники, потому что частную церковь дѣлаютъ вселенскою, и вмѣсто Христа почитаютъ главою Церкви папъ, и римскую церковь, которая есть частная церковь, они почитаютъ вселенскою. И потому, по словамъ отцовъ и учителей Церкви, они суть обманщики, негодные и безстыдные люди, неимѣющіе любви, враги мира Церкви, клеветники православныхъ, изобрѣтатели новыхъ заблужденій, непокорные, отступники, враги истины, завистники, упорные, непослушные, какими признаютъ ихъ отцы, а потому достойны презрѣнія”¹⁾. Вполнѣ понятно, что патріархъ Досиѣй рекомендовалъ московскому правительству самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія католического вліянія. Патріархъ зналъ, что въ Москвѣ органами католического вліянія были малороссы,—такъ не пускать ихъ въ предѣлы московского царства, особенно не давать имъ іерархическихъ должностей! „Подобаетъ вѣдати, яко отнелѣже новосѣкоша латини въ символѣ вѣры и отторгояшася церкве, падоша во многая беззаконная новосѣченія, якоже прегордое папежство возмути и смущаетъ и обычай и каноны и преданія не точію святыхъ отецъ, но и самихъ духоносныхъ апостоль. Росы же на Українѣ, аще и хранять православіе непоколебленію, обаче многа旣 обычаи православныхъ растлиша”²⁾. „О если-бы, благочестивѣйше, и тамъ въ Москвѣ сохраненъ быль древній уставъ: да не бывають игумены и архимандриты изъ рода казацкаго, но москали и на Москвѣ и въ казацкой землѣ, а казаки только въ казацкой землѣ, ибо не подобаетъ запрягать вкупѣ коня и осла, ниже ткать вкупѣ руно и ленъ. Далеко да будуть казаки священники отъ игуменства московскаго и отъ иного достоинства. Хотя и исповѣдуемъ казаковъ быти православными, однако многіе изъ нихъ имѣютъ нравы растлѣнныя и нравы сіи не подобаетъ отъ нихъ перениматъ тамошнимъ православнымъ”³⁾. „Аще пріѣдутъ отсюды или сервы или греки или иного народа туды, аще бы и случайно были мудрѣйшия и святѣй-

¹⁾ Исторія патріарховъ іерусалимскихъ, Кн. 10, ч. 3, гл. 1, пар. 9.

²⁾ Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досиѣя. Приложение № 16, стр. 69.

³⁾ Архивъ Юго-западной Россіи, V, стр. 154.

шія особы, ваше державное и богоутверждение царствіе да никогда сотворить митрополитомъ или патріархомъ грека, серва или и русянина, но москвитяновъ, и не просто москвитянъ, но природныхъ москвитянъ многихъ и великихъ ради винъ: ...наипаче же москвитяне суть хранителіе и хвалителіе своихъ догматъ. Но грекомъ и сервомъ и русяномъ не подобаетъ имѣти владѣніе въ Московії, зане можетъ быти и добрымъ имъ, но вящши можетъ быти противнымъ. Потомъ москвитяне хранять отеческую вѣру не новосѣченную, сущіи не любопытательніи и не лукавіи человѣки; но странніи и оніи, прехождаху здѣ и тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ церкви¹⁾). „Аще великое твоє царствіе, писалъ Досиѣй уже Петру, имѣть намѣреніе учинить избраніе патріарха, да повелить, чтобъ не учинилося избраніе особы изъ казаковъ и (мало) россіянъ и сербянъ и грековъ, зане суть много смѣшени и сплетени съ схизматиками и еретиками, тѣмъ же ниже имутъ не лестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелить быти избранію особы изъ самаго москвича, а чтобъ былъ старъ и доброго гражданства, зане москвитяне патріархи покамѣстъ были, хранили цѣлу православія проповѣдь“²⁾.

Въ Москвѣ, узнаеть патріархъ Досиѣй, появились въ большомъ изобилії западныя книги³⁾ и онъ пишеть патріарху московскому Іоакиму въ 1679 году: „Внимайте съ великимъ прилежаніемъ, чтобъ никто изъ вѣрныхъ, какъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, чтобъ не чли и отнюдь бы не держали у себя такія книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папинихъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства, и въ притвореніи благочестія имѣютъ ученіе безбожства“⁴⁾. Чрезъ два съ половиною года, въ началѣ 1682 года, патріархъ Досиѣй снова пишеть патріарху Іоакиму: „Храни, храни, храни стадо Хри-

¹⁾ Грамота государю отъ 2 іюня 1702 года. Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досиѣя. Приложеніе № 8, стр. 42.

²⁾ Тамъ же. Приложеніе № 11, стр. 56.

³⁾ См. объ этомъ подробно проф. К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе, стр. 440 слл.

⁴⁾ Проф. Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досиѣя. Приложеніе № 14, стр. 64.

стово чисто отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы; въ нихъ бо есть безбожіе калвіново и лютерово, довлѣть благолѣпіе и красота святыхъ Христовы церкви; не мѣшайтесь со блудники, глаголаше апостолъ, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Феодосій и Устиніанъ законоположиша Порфирія и Манента книги да не обрѣтаются, идѣже обрящутся, да сожгутся, и елицы я хоронять, смертю да казняться. Тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя... И аще кто ученія ищеть, еллинскому языку учитеся, а не другому¹⁾). Совѣтуя безпощадно жечь латинскія книги, патріархъ въ то же время усиленно убѣждалъ „на Москвѣ устроить типографію еллиногреческую и нѣсколько книгъ на противниковъ Церкви Божіи латиновъ напечатать, а по напечатаніи тѣ книги и на словенскій языкъ перевесть, отъ чего будетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ многая и великая польза, а еретикомъ и противникомъ посрамленіе“²⁾). Нужно печатать богословскія книги, „дабы сотканное беззаконными изъ терновыхъ нитей гнайное лжеученіе разорвать и истребить, хитонъ же православія распространить“³⁾.

Патріархъ содѣйствовалъ открытію въ Москвѣ греческой школы и радостно привѣтствовалъ это открытіе, причемъ высказалъ и свой взглядъ на изученіе греческаго языка: „И сie есть божественное дѣло, еже учити Христіаномъ Еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православные вѣры яко же писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче дабы отдалени были отъ Латинскихъ, иже исполненіи суть лукавства и прелести, ереси и безбожства“⁴⁾. Въ другомъ случаѣ патріархъ Досиѣй выразилъ свой взглядъ на изученіе русскими языками еще болѣе рѣзко. Дьякъ Полянскій обратился къ патріарху съ вопросомъ: слѣдуетъ ли дѣтей обучать греческому или латинскому языку. Патріархъ

¹⁾ Тамъ же. Приложеніе № 15, стр. 67.

²⁾ Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досиѣя, стр. 103—104.

³⁾ См. тамъ же, стр. 108—109.

⁴⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣшаго Правительствующаго Сѵнода, т. 1, Санктпетербургъ 1868. Приложенія, стб. СССР.

пишеть въ отвѣтъ: „Несравненно предпочтается еллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый“...¹⁾

Какъ можно видѣть, по всѣмъ вопросамъ борьбы съ латинствомъ московскій патріархъ имѣлъ совѣтиka и единомышленника въ лицѣ патріарха іерусалимскаго. Въ этомъ единеніи съ Востокомъ московское церковное правительство имѣло, конечно, не малое пособіе въ борьбѣ со врагомъ. Твердая церковная власть патріарха, опирающагося на единеніе съ восточными церквами—вотъ что съ успѣхомъ противопоставляло московское православіе 17-го вѣка чужеземному латинскому нашествію! Борьба съ латинствомъ была поэтому даже успѣшна, хотя латинству уже сочувствовалъ царскій дворъ. Свободная русская церковь не подчинялась чужеземному засилью въ богословіи.

Но скоро все на Руси стало по иному.

2.

Послѣдній годъ патріаршества Іоакима былъ первымъ годомъ единоличнаго царствованія Петра. На царскомъ престолѣ оказался протодіаконъ всепьяняющаго и всешутящаго собора...

Когда я вспоминаю о Петрѣ,—у меня невольно напрашиваются стихи Константина Аксакова „Петру“:

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
тобою презрѣна была,
и на твоемъ великомъ дѣлѣ
печать проклятія легла.

Эта печать лежить на всемъ восемнадцатомъ вѣкѣ русской исторіи. Больно и обидно для русскаго сердца читать исторію этого несчастнаго вѣка, когда „птенцы гнѣзда Петрова“ дурачились, по выражению Ключевскаго, надъ Россіей. Среди этихъ „птенцовъ“ въ изобилии появились иѣмцы, съ которыми Петръ прежде устраивалъ походы на Ившаку Хмельницкаго въ иѣмецкой слободѣ, потомъ перевѣль ихъ, еретиковъ и чужеземцевъ, сначала въ московскій кремль, а

¹⁾ Греческія дѣла 1702 г. № 1. Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досифея, стр. 172.

послѣ и въ свой съверный „Парадизъ“, имя которому, какъ добровольное признанье,

на чуждомъ языкѣ дано.

Началась въ исторіи Россіи *петербургская эпоха...*

Настало время зла и горя,

настало время нѣмецкаго засилья, когда русскій народъ съ недоумѣніемъ увидалъ у себя нѣмецкое правительство, когда даже

...корону Мономаха
курляндскій конюхъ примѣрялъ.

Для Православной Церкви съ Петра настали тяжелые дни. Петровская реформа производилась въ военное время; поэтому она носила нервно-болѣзненный характеръ, часто теряла всякий смыслъ и серьезность, когда, напр., вторглась въ вѣдомство портныхъ и парикмахеровъ. Это была революція по приемамъ и по впечатлѣнію, какое произвела она на умы и нервы современниковъ¹⁾. Понятна народная оппозиція такой реформѣ, которая представлялась непонятной ломкой вѣковѣчныхъ обычаевъ, старинного уклада русской жизни, освященныхъ временемъ народныхъ вѣрованій и привычекъ²⁾. Народъ отозвался на Петровскую реформу сказаніемъ о царѣ самозванцѣ и о царѣ антихристѣ. „Нѣмцы обещали его. Вотъ ужъ и на Бога наступилъ, съ церквей колокола снимаетъ“. Если Петръ на Бога и не наступилъ, то несомнѣнно онъ наступилъ на Православную Церковь и на православную іерархію, наступилъ всей своей тяжелой ступней.

Въ древней Руси православная іерархія была вполнѣ народна: она жила народной жизнью, имѣла на нее могущественное влияніе и пользовалась полнымъ уваженіемъ и авторитетомъ. Великорусская іерархія вмѣстѣ съ народомъ раздѣляла и несочувственное отношеніе къ Петровской революціи. Несочувствіе и даже временами противодѣйствіе іерархіи сердило гнѣвнаго царя и онъ заявлялъ: „многому

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. 4. Москва 1910, стр. 285—292.

²⁾ Проф. В. О. Ключевскій. Тамъ же, стр. 297 слл.

злу корень старцы и попы". И вотъ Петръ начинаетъ мѣнять или, лучше сказать, подмѣнивать іерархію. Въ великороссійскія епархіи онъ назначаетъ іерарховъ малороссовъ, которые сочувствовали-бы его реформамъ, защищали-бы ихъ съ церковнаго амвона,—пусть даже они будутъ и невысокаго нравственнаго уровня и весьма сомнительнаго православія. Таковы были, напр., Феодосій Яновскій и Феофанъ Прокоповичъ, много зла принесшій и отдѣльнымъ людямъ и всей русской церкви. Наряду съ чужимъ правительствомъ создавалась и чужая іерархія. Засилье малороссовъ въ церковномъ управлѣніи достигло въ 18-мъ вѣкѣ высшаго напряженія. Уже Екатерина II по политическимъ соображеніямъ издала указъ, по которому, такъ сказать, давалось великороссамъ равноправіе съ малороссами въ великороссійскихъ епархіяхъ. Малороссійская іерархія, насажденная Петромъ, была крайне не популярна. Къ ней относились презрительно и враждебно и народъ, и духовенство. „Черкасъ“, „ляшеноукъ“, „обливанецъ“—такъ обыкновенно величали малороссовъ-іерарховъ, отъ которыхъ нерѣдко приходилось терпѣть болѣшія обиды. „Возникли у нихъ кареты дорогія и возки золотые. А мы, побѣдные, утѣсненные, дненощно плачемъ; различно велять секретарямъ и канцеляристамъ намъ, русскимъ, досаждать и пакости чинити, а своихъ черкасовъ снабдѣваютъ и всяко охраняютъ“¹⁾). Феофанъ заходилъ такъ далеко, что ему въ 1726 году даже Екатерина указала: „впредь ему, архиерею, противностей св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсоблазненное житіе, какъ всѣ великороссійские православные архиереи живутъ“²⁾.

Твердая и болѣе или менѣе самостоятельная церковная власть, которая, какъ мы видѣли, боролась въ 17 вѣкѣ съ латинскимъ вліяніемъ на богословіе, была не въ интересахъ Петра; ему нужно было ее устранить. И Петръ уничтожаетъ патріаршество, назначая мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола малоросса Стефана Яворскаго, а потомъ учреждая „Духовный Коллегіумъ“. Недобросовѣстные софизмы, которыми Феофанъ Прокоповичъ доказываетъ въ „Регламентѣ“, вопреки 34 апостольскому правилу, преимущества коллегі-

¹⁾ У проф. К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе, стр. 474.

²⁾ Тамъ же.

ального управлениі въ помѣстной церкви, конечно, никого не убѣдили. Ясна была дѣйствительная цѣль реформы — „укратити будто-бы вельми жестокую епископовъ славу“, т. е. лишить церковную іерархію прежняго вліянія на народную жизнь. Синодъ не могъ замѣнить собою для церковной и народной жизни патріарха, тѣмъ болѣе что Петръ наполнилъ Синодъ при его открытии малороссами. Въ первоначальномъ составѣ Синода было пять западно-руссовъ, одинъ сербъ, одинъ грекъ и четыре великоросса, при чёмъ президентъ и оба вице-президенты были малороссы. Понятенъ грубый протестующій отзывъ троице-сергіевскаго іеромонаха Викентія Чернцова: „Что де за Синодъ, и какой Синодъ! Въ Синодѣ всѣ дураки, поляки“¹⁾.

Русская церковная власть, говорилъ я, находила себѣ опору и поддержку въ единеніи съ восточными патріархами. Со временія Петра Россія не видѣла вселенскихъ патріарховъ до 1913 года. Самъ Петръ, конечно, считалъ излишнимъ совѣтоваться съ патріархами. Онъ обращался къ нимъ развѣ только затѣмъ, чтобы они разрешили „Пресвѣтѣйшему, и Благочестивѣйшему Величайшему во Христѣ Царю всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи всея сѣверныхъ страны Обладателю, Государю Петру Алексѣевичу употребленіе и причащеніе мясо въ вся добрѣ учиненные посты всего лѣта“²⁾.

Петръ наложилъ свою тяжелую руку и на русское просвѣщеніе. Мы видѣли, какъ московское правительство 17-го вѣка заботилось о научномъ просвѣщеніи именно въ духѣ греческаго православія. Петру этотъ религіозный интересъ былъ совершенно чуждъ. Онъ не только началь отправлять русскихъ людей для обученія къ самимъ западнымъ еретикамъ, но и въ Москвѣ на Покровѣ устроилъ нѣмецкую гимназію протестантскаго пастора Глюка, тѣмъ болѣе что у этого именно Глюка проживала schönes Mädchen von Marienburg, ливонская крестьянка и будущая русская императрица Екатерина I³⁾.

¹⁾ Проф. К. В. Харламповичъ. Малороссійское вліяніе, стр. 471—472.

²⁾ Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи, томъ 5. СПБ. 1830. № 3020, стр. 468.

³⁾ См. обѣ этой гимназіи у проф. В. О. Ключевскаго. Курсъ русской исторіи, ч. 4, стр. 322—327.

Коснулся, наконецъ, вѣсма рѣшительно Петръ и спеціально церковной школы, молодой Московской Академіи, гдѣ, какъ мы видѣли, въ концѣ 17-го вѣка по настоянію патріарха утвердилось греческое направлѣніе. Съ Петра начался новый періодъ въ исторіи Академіи. „Когда же по смерти патріарха Адріана, въ 1701 году, Преосвященному Митрополиту Рязанскому, Стефану Яворскому поручена въ правленіе патріаршая епархія, и повелѣно указомъ завестъ въ томъ аже монастырѣ и Академіи латинскія ученія; тогда онъ призвалъ изъ Киева учителей духовныхъ“... и „на Латинскомъ діалектѣ производились ученія въ Заиконоспасскомъ монастырѣ“¹⁾). Съ 1704 года до временъ митрополита Платона Академія большею частію имѣла наставниковъ изъ Киева, которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кievскимъ, и ввели въ жизнь Академіи порядки, изстари заведенные въ Киевѣ, словомъ, сообщили ей свой духъ, свое направлѣніе. Есть основаніе думать, что для ускоренія образованія кievские наставники привезли съ собою въ Москву даже подготовленныхъ учениковъ изъ Киева: въ дошедшемъ до насъ спискѣ учениковъ философіи 1704 г. въ числѣ 34 человѣкъ только трое великороссіянъ, а всѣ прочіе имѣютъ фамиліи бѣлорусскія и польскія. Всѣ уроки читались и сочиненія были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ²⁾. Академія утратила не только свое прежнее греческое направлѣніе, но и греческое имя. Название „Славяно-Греко-Латинская Академія“ утвердилось уже со временъ митрополита Платона. До Петра, мы видѣли, Академію называли „Еллино-славенскими схолами“. Въ сенатскихъ же указахъ петровского времени Академія называется „Латинскими школами“³⁾ или „Славяно-Латинскими“⁴⁾; самое ученіе въ Академіи именуется „наукой Латинскаго языка“⁵⁾.

¹⁾ Историческое извѣстіе о Московской Академіи, сочиненное въ 1726 году отъ Справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященнымъ Епископомъ Смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ. Древняя Россійская Вивліоѳіка, ч. 16. Москва 1791, стр. 302—303.

²⁾ С. К. Смирновъ. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, стр. 81—82.

³⁾ Полное Собрание Законовъ, т. 5. № 2978, стр. 189.

⁴⁾ Полное Собрание Законовъ, т. 5. № 3182, стр. 554.

⁵⁾ Полное Собрание Законовъ, т. 5. № 3182, стр. 554.

Со скорбю узналъ іерусалимскій патріархъ Досиєй о перемѣнѣ направлениѣ въ Московской Академії. Онъ надѣялся, что эта перемѣна—явленіе мимолетное, что „Богу благословящу, возбудятся стражи каѳолической Церкви Христовы, и всѣ тутъ сущіечувствуютъ обоняніе смерти, скрытое въ обоняніи жизни, и попрутъ его ногами и сокрушать“ ¹⁾). Надежда патріарха была напрасной. Будущее объяло мало утѣшительного. Вѣдь въ 18-мъ вѣкѣ бывали времена, когда всякое слово въ защиту православія и въ обличеніе западныхъ ересей считалось политическимъ преступлениемъ, оскорблениемъ господствующей при дворѣ яѣменцко-курляндской партіи. Нѣкоторые епископы теряли каѳедры и попадали въ тюрьму за то только, что издавали и распространяли „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго, это обширное полемическое сочиненіе, направленное противъ протестантовъ. Распространеніе „Камня вѣры“ Феофанъ Прокоповичъ, сочувствуя протестантству, считалъ личнымъ оскорблениемъ, а оскорблять Феофана было опасно, потому что это былъ другъ Бирона и Остермана.

При полномъ господствѣ малороссовъ въ Академіи въ 18 вѣкѣ утвердилось западное схоластическое богословіе. Въ качествѣ авторитета ссылались, между прочимъ, на Фому Аквина, у которого въ системѣ „при тѣни пороковъ и грѣховъ ясиѣ сіаетъ свѣтъ добродѣтелей и благодати“ ²⁾.

Схоластическое богословіе утвердилось во всѣхъ духовныхъ школахъ, которые получили начало въ 18-мъ вѣкѣ. Всѣ будущіе пастыри русскаго народа, всѣ будущіе богословы заговорили на латинскомъ языкѣ. Здѣсь нужно видѣть начало отчужденія духовенства отъ народа. Латинскій языкъ и латинское богословіе господствовали въ духовной школѣ и въ 19-мъ вѣкѣ. Латинскія лекціи по богословію читались и въ нашей Академіи ³⁾ и лекціи эти нерѣдко были въ близкомъ родствѣ съ западными еретическими образцами. Наши дѣды въ семинаріяхъ еще учились по ла-

¹⁾ Греческія дѣла 1702 г. № 1. Н. Ф. Каптеревъ. Сношенія патріарха Досиєя, стр. 172.

²⁾ См. у С. К. Смирнова. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, стр. 142—143.

³⁾ См. С. К. Смирнова. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія. Москва 1879, стр. 13—22.

тыни. Теперь семинаристы уже съ трудомъ едва переводятъ латинскую книгу, но сколастическое богословіе еще живо и понятнѣ.

Итакъ, вотъ какъ далеко и глубоко въ исторіи лежать корни чужеземнаго засилія въ нашемъ богословіи. Въ Московской Руси чужеземное вліяніе на богословіе находило надлежащій отпоръ отъ ревнителей православія и отъ твердой церковной власти. Во время Петровской революціи церковная власть была смята и подавлена и чуждое богословіе было какъ-бы насильно насаждено на русской почвѣ. Это грѣхъ не столько церковной іерархіи, сколько гражданскаго правительства, созданного Петромъ и духомъ чуждаго русскому народу. Порабощенная Церковь не могла свергнуть со своего богословія твердой рукой налагавшагося на него латинско-немецкаго ига, угоднаго государственной власти 18-го вѣка. Западныя ереси были правительству русскому ближе и понятнѣе, нежели восточное православіе.

3.

Но въ чемъ же сказалось латинское и вообще западное вліяніе на наше школьнное богословіе? Неужели наше богословіе и наши богословы, поставши подъ западное вліяніе, начали проповѣдывать Filioque, папское главенство и папскую непогрѣшимость, или отрицать авторитетъ Церкви подобно протестантамъ? Ничего подобнаго. Наше богословіе скорѣе изобиловало сочиненіями полемическими, направленными противъ всѣхъ названныхъ и имъ подобныхъ западныхъ заблужденій. Въ чемъ же тогда латинское вліяніе?

Латинское вліяніе затронуло у насъ рѣшеніе самыхъ живыхъ богословскихъ вопросовъ, затронуло самую душу богословія. Полемика съ латинствомъ, касаясь указанныхъ догматическихъ разностей, имѣла въ виду далеко не самое важное и существенное. Православные полемисты издревле въ своей полемикѣ съ латинствомъ оцѣждали комаровъ и безъ вниманія оставляли верблюдовъ. Католическихъ ересей насчитывали цѣлые десятки, но не указывали основнаго пагубнаго заблужденія латинства. Вѣдь среди католическихъ ересей, напр., нашъ русскій митрополитъ Георгій указывалъ слѣдующія: „ѣдять медвѣдину и ословъ: попы ихъ єдять

въ говѣніе бобровину, глаголють-бо яко оть воды есть и рыба всяко есть; постригаютъ бороды своя бритвою, еже есть отсѣчено оть Моисеева закона и оть евангельска”¹⁾. Въ сравненіи съ этими „ересями“ опрѣсноки, папская непогрѣшимость, Filioque и прочее, что опровергается въ нашихъ „обличительныхъ богословіяхъ“,—конечно, несравненно важнѣе. Однако все же существо вѣры, душа ея—не здѣсь. „Религія есть,—или по крайней мѣрѣ притязаетъ быть художницей спасенія, и дѣло ея—спасатъ“²⁾). Религія по православному пониманію есть благо-честіе, єб-бѣзгіа, почитаніе блага, стремленіе къ благу, а религіозное благо есть спасеніе. „Вопроſъ о личномъ спасеніи и представляеть въ системѣ нашего вѣроученія именно такой пунктъ, въ которомъ это послѣднее становится лицемъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ реальнымъ бытіемъ и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чёмъ собственно заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ. Въ этомъ пункте каждое вѣроисповѣданіе можетъ найти себѣ и беспристрастную оцѣнку. Тотъ, кто хочетъ узнать истинное существо католичества, протестантства или православія, тотъ долженъ обратиться не къ теоретическому ихъ ученію, а къ ихъ понятію о жизни, къ ихъ ученію, именно, о личномъ спасеніи, въ которомъ (ученіи) это понятіе наиболѣе ясно выражено,—тотъ долженъ опросить каждое изъ вѣроисповѣданій, въ чёмъ оно полагаетъ смыслъ жизни человѣка, его высшее благо“³⁾.

Итакъ, душа вѣры въ спасеніи и душа богословія въ ученіи о спасеніи.

Что же? Сохранило ли наше богословіе во время латинскаго и нѣмеckаго нашествія православное ученіе о спасеніи? Вспомнимъ вкратцѣ основныя понятія православнаго ученія о спасеніи.

Свободное отступление и обособленіе прародителя отъ Бога

¹⁾ Проф. А. С. Павловъ. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики противъ латинянъ. СПБ. 1878, стр. 192, 195, 152.

²⁾ Проф. свящн. П. А. Флоренскій. Разумъ и діалектика. Богословскій Вѣстникъ, 1914, т. 3, стр. 87.

³⁾ Архіепископъ Сергій. Православное ученіе о спасеніи. Изд. 4. СПБ. 1910, стр. 5—6.

имѣло слѣдствіемъ изгнаніе изъ рая, отчужденіе отъ Бога и страданіе человѣка. Все естество человѣческое подпало подъ власть тлѣнія и смерти. Отъ Дѣвы воплощается Единородный Сынъ Божій, принимаетъ полное человѣческое естество въ единство Своей Божественной Упостаси. Во Христѣ естество человѣческое и естество Божественное соединены „неслитно, неизмѣнио, нераздѣльно, неразлучно“, и самое естество человѣческое поэтому обожилось, получило новые силы. Христосъ—новый Адамъ, родоначальникъ нового человѣчества. Кто во Христѣ, тотъ—новая тварь. Возставляется „красота изначальная“ естества человѣческаго, которое во Христѣ оказалось уже „чуждо истлѣнія“, препобѣдило смерть и тлѣніе. Имѣя благодатную помощь Святаго Духа, человѣкъ возрождается очищаетъ себя отъ грѣха и тлѣнія и снова возвращаетъ, себѣ „первое блаженство“. Не какъ внѣшняя награда дается это блаженство, а какъ внутреннее слѣдствіе вырастаетъ изъ добродѣли и свободы отъ грѣха. *Σωτѣріа* въ томъ и состоитъ, что, сдѣлавшись причастенъ Божескаго естества и получивши даръ Св. Духа, человѣкъ паки становится ѿс—цѣлымъ, здоровымъ, нормальнымъ. Возстановляется то состояніе твари, о которомъ сказаль нѣкогда Господь Богъ: „вся добра зѣло“. Такъ—воплощеніе, возсозданіе, обоженіе, нетлѣніе и блаженство—въ предѣлахъ этихъ понятій движется православное ученіе о спасеніи. Читайте творенія св. Иринея Ліонскаго, св. Аѳanasія Великаго „Слова противъ арианъ“, св. Григорія Нисскаго „Большое огласительное слово“, св. Григорія Богослова „Слова о богословії“ и „на Богоявленіе“, преп. Іоанна Дамаскина „Точное изложеніе православной вѣры“—повсюду вы увидите, въ какой тѣсной и неразрывной связи другъ съ другомъ стоятъ сoteriologія и christologія, какъ все ученіе о спасеніи сходится къ единому центру—Воплощенію Бога Слова, къ великой тайнѣ благочестія: Богъ явился во плоти! Св. Ириней Ліонскій маловѣрами называетъ тѣхъ, кто не придаетъ никакого значенія домостроительству воплощенія, чрезъ которое осуществилось совершенство нашего человѣчества¹⁾. Вотъ нѣсколько строкъ изъ знаменитаго слова Григорія Богослова „на Богоявленіе или на Ро-

¹⁾ Доказательство апостольской проповѣди, гл. 99.

ждество Спасителя“. „Само Божіє Слово прев'чнє, невидиме, непостижиме, безглесне, начало оть начала, свѣть оть свѣта, источникъ жизни и бессмертія, отпечатокъ первообразной красоты, печать непереносимая, образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носить плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоносить Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ; однако же происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ оть Него (человѣческимъ естествомъ)—единое изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожиль, а другая обожена. О, новое смыщеніе! О, чудное раствореніе! Богатящій обнищаваетъ, обнищаваетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается, истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство благости! Что это за таинство о мнѣ? Я получиль образъ Божій, и не сохраниль его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе первого, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспринимаетъ худшее; но сіе богоільпнїе первого, сіе выше для имѣющихъ умъ.. Сколько торжествъ доставляеть мнѣ каждая тайна! Во всѣхъ же въ нихъ главное одно—моє совершеніе, возсозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!“¹⁾.

Такъ богословствуетъ о спасеніи святая Церковь!

Но что говорить намъ о спасеніи наше школьное богословіе? Посмотримъ.

„Вся тайна нашего искупленія смертю Іисуса Христа состоить въ томъ, что Онъ, въ замѣнь нась, уплатилъ Свою кровью долгъ Правдѣ Божіей за наши грѣхи, который мы сами уплатить были не въ состояніи: иначе,—въ замѣнь нась, исполнилъ и потерпѣлъ все, что только требовалось для отпущенія грѣховъ... Господь Іисусъ принесъ плату полную и совершенно удовлетворительную за долгъ нашъ. Эта долгъ нашъ предъ Богомъ состоялъ въ томъ, что мы не исполнили воли Его, которую должны были исполнить,

¹⁾ Слово 38. Твореній ч. 3, изд. 3. Москва 1889, стр. 202—203. 205.

и непослушаниемъ своимъ безконечно оскорбили своего Создателя, и вслѣдь за тѣмъ осуждены были Имъ на страданія и смерть, которая есть неизбѣжное слѣдствіе грѣха и справедливое возмездіе за грѣхъ... Господь Иисусъ принесъ за насъ плату преизбыточествующую. Ибо какъ бы ни были велики и многочисленны грѣхи всего рода человѣческаго, но они ограничены и по природѣ своей, и по числу; а самоотверженіе, страданія и смерть Иисуса Христа, Лица Божескаго и безпредѣльнаго, должны имѣть безконечную цѣну, во всѣхъ отношеніяхъ, предъ судомъ вѣчной правды. И слѣд. какъ ни велико, какъ ни необъятно оскорблѣніе, причиненное грѣхами нашими величеству высочайшаго Существа; но удовлетвореніе, принесенное за нихъ Иисусомъ Христомъ, несравненно больше. А потому Онъ не только совершилъ уплаты за насъ долгъ безцѣнною Свою кровью, но и купилъ за нее, пріобрѣлъ для насъ вѣчныя блага... Потому-то мы и вѣруемъ, что страданія и смерть нашего Спасителя имѣютъ не только значеніе выкупа за насъ и уплаты долга; но и значеніе величайшихъ заслугъ предъ судомъ вѣчной Правды“¹⁾.

Здѣсь предъ нами совсѣмъ другой рядъ понятій: оскорблѣніе, возмездіе, проклятие, искупленіе, удовлетвореніе и заслуга. Прочтите въ первомъ томѣ资料 ourого юбилейнаго сборника статью проф. А. П. Орлова: „Сотеріология Аんсельма Кентерберійскаго“, — тамъ, у этого отца латинской сколастики, вы найдете всѣ эти понятія. А сравнительно съ Григориемъ Богословомъ въ семинарскомъ *учебнике* митрополита Макарія о спасеніи мудрствуєтъ иначе:

Григорій Богословъ:

„Главное одно—мое совершеніе, возсозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!“

Митрополитъ Макарій:

„Вся тайна нашего искупленія смертю Иисуса Христа состоить въ томъ, что Онъ, въ замѣнъ насъ, уплатилъ Свою кровью долгъ Правдѣ Божіей за наши грѣхи“.

¹⁾ *Макарій, митрополитъ Московскій.* Руководство къ изученію христіанскаго православно-догматическаго богословія, § 98.

Вотъ что сдѣлало съ нашимъ богословіемъ латинское и нѣмецкое рабство! Въ ученіи о спасеніи это рабство отторгло наше богословіе отъ Григорія Богослова и иныхъ отцевъ Церкви и приблизило къ Анзельму и прочимъ отцамъ схоластики! Макарій принимаетъ даже понятіе заслуги; ему остается прибавить уже немного для того, чтобы въ дѣло спасенія перенести весь католической механизмъ банкирскаго дома, о которомъ говорилъ А. С. Хомяковъ¹⁾.

Но спросите вы людей, прошедшихъ среднюю духовную школу, какъ они богословствуютъ о спасеніи! Спросите нашихъ сельскихъ неученыхъ батюшекъ! Вы прежде всего узнаете, что они вообще очень мало богословствуютъ, но все же вы замѣтите безъ особаго труда, что о спасеніи они мыслять по Макарію, а не по Аѳанасію Великому или Григорію Богослову. Школа положила на вѣки свою схоластическую печать...

Но да не подумаетъ кто-либо изъ васъ: неужели Церковь измѣнила своему Православію? Раскольники уже не преми-нули на подобный вопросъ дать свой злобный положительный отвѣтъ, напр., въ умно задуманной и кощунственно написанной книгѣ Мельникова о „блуждающемъ богословії“. Нѣтъ, Церковь не измѣнила и не могла измѣнить своему Православію; только школа перестала мыслить вполнѣ по церковному, произошелъ нѣкоторый разрывъ между Церковью и школой. Церковь и теперь живеть и дышеть все тою же идеей спасенія, которой жила и дышала она полторы тысячи лѣтъ назадъ. У Церкви и теперь есть своя сокровищница богословія, существенно отличного отъ богословія школьнаго. Это сокровище—въ богослужебныхъ книгахъ. Вѣдь большая часть нашихъ богослужебныхъ книгъ составлена тогда, когда даже не было никакого латинства и не было никакой схоластики. Многія изъ богослужебныхъ пѣснопѣній, стихиръ, каноновъ—писаны великими богословами древней Церкви. Въ богослуженіи мы слышимъ чистый и неиспорченный отголосокъ богословія святоотеческаго, древ-

¹⁾ Ср. отзывъ А. С. Хомякова о трудахъ митр. Макарія въ письмѣ къ А. Н. Попову отъ 22 окт. 1848 года: „Макарій провонялъ схоластикой“. См. *проф. В. З. Завитневичъ*. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I, кн. 1. Киевъ 1902, стр. 973.

не-церковнаго. Уже нѣсколько лѣтъ скорбь и горечь тѣснять мое сердце отъ сознанія того, какъ искажена въ нашемъ школьномъ богословіи христіанская идея спасенія, и безъ радостнаго трепета сердечнаго я не могу слышать нашего богослуженія. Я радуюсь, какъ сынъ Церкви и какъ богословъ, потому что каждую почти минуту въ богослуженіи слышу тѣ самыя чистыя и высокія понятія объ истинахъ христіанской жизни, которая плѣнила меня въ богословіи святоотеческомъ. Прочитайте вы службу на Рождество и Благовѣщеніе,—и вы найдете о дѣлѣ спасенія тѣ же мысли, что во второмъ вѣкѣ высказывалъ св. Ириней Ліонскій, въ четвертомъ—Аѳанасій, Василій и оба Григорія, въ седьмомъ—преп. Максимъ Исповѣдникъ, въ восьмомъ—преп. Іоаннъ Дамаскинъ, въ одиннадцатомъ—преп. Симеонъ, Новый Богословъ, или—лучше сказать—всѣ и во всѣхъ вѣкахъ на священномъ Востокѣ! Въ самой литургіи, приступая къ совершенію величайшаго таинства, мы, священники, говоримъ въ алтарѣ предъ престоломъ о спасеніи совсѣмъ не то, чему учить насъ школьная догматика. Въ литургіи св. Іоанна Златоуста мы исповѣдуемъ:

„Ты отъ небытія въ бытіе насъ привель еси и отпадшія возставилъ еси паки и не отступиль еси, вся творя, дондеже насъ на небо возвель еси и царство Твое даровалъ еси будущее“.

Подробнѣе въ литургіи св. Василія Великаго: „Егда прииде исполненіе временъ, глаголаль еси намъ Самъмъ Сыномъ Твоимъ, Имже и вѣки сотворилъ еси, Иже сый сіяніе славы Твоей и начертаніе Упостаси Твоей, нося же вся глаголомъ силы Своей, не хищеніе непещева еже быти равенъ Тебѣ Богу и Отцу, но Богъ сый превѣчный, на земли явися и человѣкомъ споживе и отъ Дѣвы святыя воплощъся, истощи Себѣ, зракъ раба пріемъ, сообразенъ бывъ тѣлу смиренія нашего, да насъ сообразны сотворить образу славы Своей; понеже бо человѣкомъ грѣхъ вниде въ міръ и грѣхомъ смерть, благоволи Единородный Твой Сынъ, сый въ нѣдрѣхъ Тебе Бога и Отца, бывъ отъ жены святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи, бывъ подъ закономъ, осудити грѣхъ во плоти Своей, да во Адамѣ умирающе, оживотворятся въ Самъмъ Христѣ Твоемъ“.

Итакъ, смотрите, какое разногласіе между Церковью и

школой! Вотъ что сдѣлало у насъ на Руси латинско-нѣмецкое засилье въ богословіи! Классная каѳедра духовной школы и церковный амвонъ и клиросъ въ одно и то же время говорять на разныхъ богословскихъ языкахъ! На борьбу съ этимъ-то вреднымъ латинско-нѣмецкимъ засильемъ и его печальными плодами въ нашемъ богословіи я и считаю своимъ нравственнымъ долгомъ вать призвать въ эту грозную годину отечественной освободительной войны. Борьба уже началась. За послѣдніе двадцать пять лѣтъ уже немало написано богословскихъ трудовъ, по содержанію существенно отличныхъ отъ трудовъ недалекаго прошлаго. У насъ, благодареніе Богу, уже зародилось новое богословское направление, свергающее съ себя мертвящія узы прежней холастики. Къ этому-то направленію и нужно примыкать со всѣмъ жаромъ юности и безъ всякаго сомнѣнія. Нужно достигать того, чтобы это новое направление получило самое широкое распространеніе и полное господство. А то у насъ еще и теперь не мало охотниковъ клеймить „либерализмомъ“ и даже „нѣметчиной“ все, что не согласно съ Макарiemъ!

Въ холастическомъ ученіи о спасеніи прежде всего должны быть снесены до основанія два форта, два понятія: *удовлетвореніе и заслуга*. Эти два понятія должны быть выброшены изъ богословія безъ остатка, навсегда и окончательно! Уничтожьте эти два форта,—призрачная твердыня холастики скоро падеть и разсыплется. И погибнетъ печальная память ея безъ шума...

Но гдѣ причина того, что чуждая духу Церкви холастика держится въ духовной школѣ нашей и въ богословіи даже въ двадцатомъ вѣкѣ, даже до дне сего? Причинъ можно-бы насчитать не мало, но я укажу прежде всего одну, которая ближе всего касается насъ съ вами. Одна изъ причинъ есть тяжкій грѣхъ студентовъ нашихъ духовныхъ академій. Десятый годъ наблюдая академическую жизнь, я невольно съ грустью и печалью, иногда и съ негодованіемъ, замѣчалъ, что студенты Академіи слишкомъ мало занимаются богословіемъ и еще меньше богословіемъ интересуются. Получается крайне ненормальное явленіе: студентъ духовной Академіи, оканчивая курсъ, имѣть нѣкоторые взгляды философскіе, историческіе, даже политическіе, но не имѣть опредѣленныхъ взглядовъ богословскихъ. Чисто богословскіе вопросы

его не волнуютъ; онъ будто даже и не понимаетъ, какъ это богословскій вопросъ можетъ задѣвать за самую сердцевину души, ломать и переворачивать всю жизнь человѣка, заставлять его ввергаться въ огонь и въ воду. Призрачная твердыня схоластики потому еще и держится, что нѣтъ одушевленныхъ воиновъ, которые съ ожесточенiemъ бы на нее нападали, сознавая и чувствуя, какъ эта твердыня мѣшаетъ духовной жизни человѣка, какъ она стоитъ на пути его духовнаго развитія и совершенствованія, на пути христіанскаго спасенія, подмѣняя духовное возрожденіе и спасеніе какой-то странной юридической сдѣлкой съ Господомъ Богомъ. За схоластическую пустоту потому и берутся, что не имѣютъ никакихъ жизненно-богословскихъ убѣждений.

Въ эти военные дни я и обращаюсь къ вамъ съ призывомъ. Вы освобождены отъ воинской повинности, вы сидите не въ окопахъ, а за партами,—такъ не уклоняйтесь отъ необходимаго набора въ воинство Христово, въ дѣйствующую уже небольшую армію богослововъ! Схоластическая крѣпость—это *наша, академическая*, участокъ общаго фронта. Если мы живые люди и живые члены Христовой Церкви, мы должны чувствовать, что эта крѣпость намъ, *жизни нашей* православной мѣшаетъ. Сравнять съ землей непріятельскую крѣпость схоластики—вотъ *наша*, академическая, задача, если мы хотимъ самымъ дѣломъ участвовать въ великой освободительной войнѣ!

И еще одно пожеланіе и надежда. Я говорилъ вамъ, почему въ 17-мъ вѣкѣ борьба съ латинствомъ была у насъ даже успѣшна, а въ 18-мъ—эта борьба прекратилась. Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ не поможетъ ли намъ объединиться въ общемъ пожеланіи, чтобы возвращено намъ было то, что потеряно при Петрѣ двѣстѣ лѣтъ назадъ: патріаршество и свобода Церкви!

Архимандритъ Иларіонъ.
